

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ · ОБЩЕСТВО

Здравствуй, племя...

Репрессии над историческим – они отрицают будущее, рождают вождей, лишенных своего я, уничтожают несогласных и ведут к родоплеменным войнам

Петр Саруханов / «Новая газета»

10:30, 10 января 2025,

Роман Шамолин

антрополог, специально для «Новой»

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Для того чтобы существование людей обрело статус исторического, нужны два условия. Во-первых, критическая активность индивида, неудовлетворенного имеющимся положением дел и желающего чего-то большего, — собственно, такие индивиды и выступают инициаторами меняющих мир идей и событий. Во-вторых, нужна «большая идея», утопия, обозначенная на горизонте, в сторону которой и происходит тот сдвиг бытия и сознания людей, который именуется потом «историческим».

То, что мы наблюдаем сейчас в российском мире, — это практически полное вытеснение из реальности критически мыслящего индивида, инициатора обновлений и перемен. Другими словами, вытеснение субъекта. Вместо субъекта — бесчисленная армия исполнителей державной воли, государственного заказа.

То, что мы можем наблюдать в мире вообще, — это заметное отступление практически от всех великих идей и утопий, на которых еще недавно строились перспективы мировой цивилизации. Отступление от планетарного, общечеловеческого масштабирования реальности, очевидное хотя бы уже по тому упадку влияния, что переживают сейчас некогда значимые международные институты, наподобие ООН или Европейского суда по правам человека.

Мы наблюдаем, что сколько бы то значимые футурологические проекции больше не присутствуют ни в речах политиков, ни в ожиданиях граждан. О будущем почти не думают и не говорят, но именно идея будущего и создает вовлеченность в историческое измерение. В общем, мы наблюдаем процесс, который вполне можно назвать **репрессией над историческим**.

Репрессия, т.е. силовое подавление свободы человека, — явление универсальное и нашему роду изначально свойственное. И существует столько же, сколько и человек. Репрессия завязана на самой человеческой свободе. Тирания «злых людей» над «слабыми людьми» — это едва ли не первые известные плоды свободы: Каин и Авель.

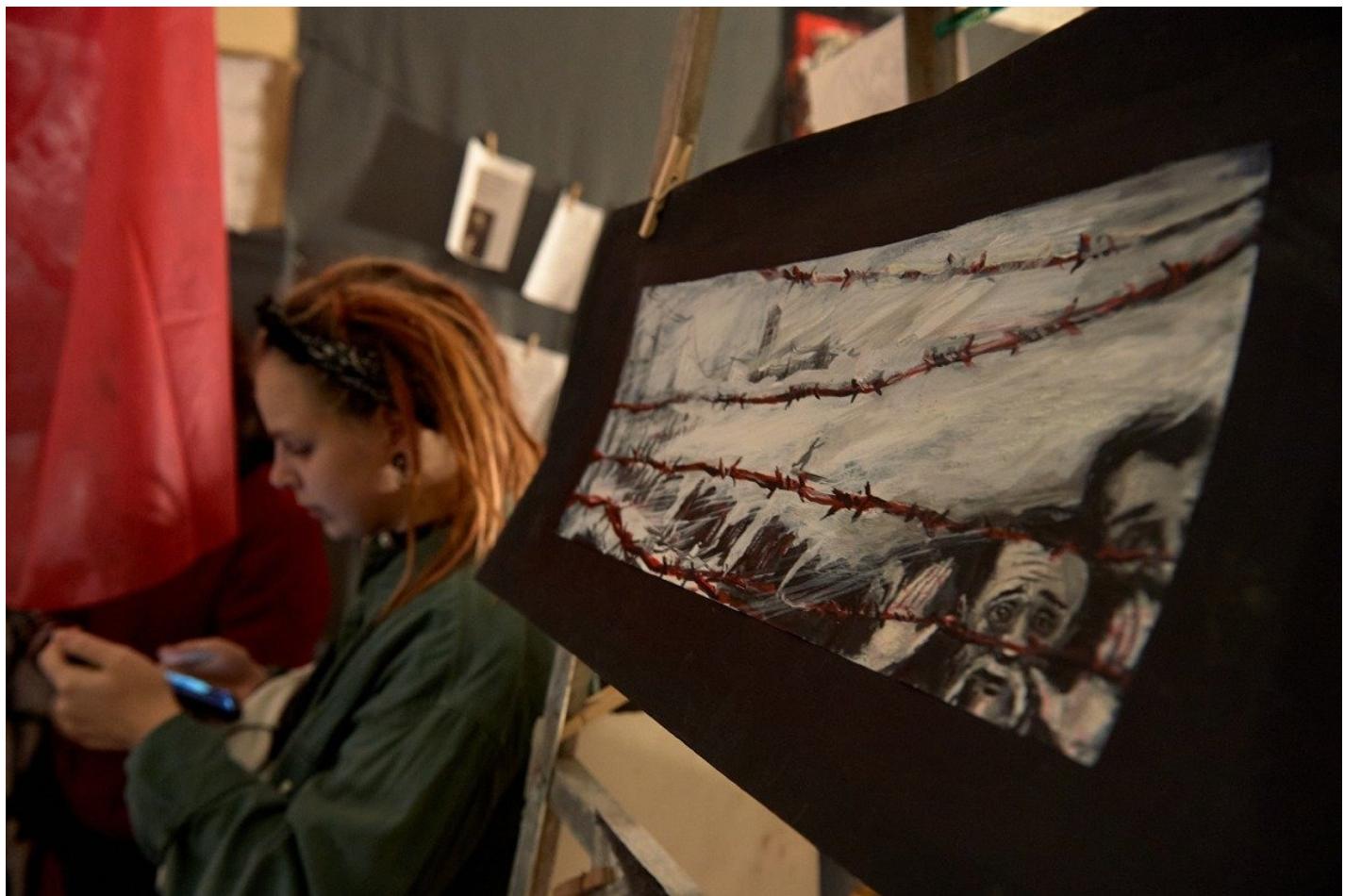
По мере оформления и упрочнения общественных связей репрессии обретают некоторую логику. Племя и род сдерживают спонтанное, иррациональное насилие индивидов, выставляя против него набор собственных обычаев и законов: принцип талиона, «око за око». В те же времена, вместе со становлением общественных организмов, репрессии начинают обретать идеическое обоснование и массовый характер.

Людской мир делится на тысячи разрозненных общежитий, каждое со своими тотемами и табу, — и репрессиям может подвергаться всякий, кто чтит другие тотемы или нарушает табу. Репрессии могут обрушиться на целое соседнее племя, живущее по иным обычаям. По отношению к такому племени допускалось почти любое насилие. Это времена трайбализма, когда могуществу рода и племени отдельный человек приносился в жертву без колебаний. Жестко очерченная сакральная идентичность, для которой окружающий мир выступает источником вражды, страха и ярости.

Племя отчуждается от мира и устанавливает вокруг себя плотный занавес, а репрессии — действенный способ занавес держать.

Вероятно, репрессии вообще имманентны (если упрощать — свойственны) племенной идентичности, трайбализму. А значит, имманентны всему архаическому периоду человечества. И,

вероятно, первые перемены здесь начинаются лишь с возникновением политических империй, которые охватывают весьма разнородные культурные территории и уже в силу этого, для поддержания баланса, — должны разбавлять привычные репрессивные практики практиками культурной, идеальной толерантности. Наверное, впервые такой подход реализуется в созданной в VI веке до н.э. персидским царем Киром Великим империи Ахеменидов, где спокойно уживались культуры и боги халдеев, парсов, греков, египтян и многое другое.

Картина Анастасии Дюдяевой. Фото: Андрей Бок

Принципиальные же перемены начинаются с возникновением античных глобальных цивилизаций. У греков и римлян тех времен впервые возникают представления об универсальных, ойкуменических идеях: благо, красота, добродетель. Эти идеи имеют отношение совершенно к любому индивиду и уже не измеряются племенной территорией или традицией крови. Различие же своих и чужих богов порождает не вражду, но

исследовательскую интригу. Многовековой дискурс трайбализма впервые подвергается иронии: если бы лошади и быки могли созидать, то и богов бы они созидали по собственному виду, — пишет грек Ксенофонт из Колофона. Репрессивная природа людей, конечно же, не снижает и в античности свои обороты, но из-под нее убирают идеинные основания. Инакомыслие признается античной цивилизацией и активно поддерживается.

На всей огромной территории Римской империи никакому народу и племени не препятствовали видеть мир по-своему. И по-своему верить. Более того, римляне с удовольствием перенимали с подвластных земель самые странные, экзотические представления.

И триумфальное историческое шествие христианства, если смотреть на него как на феномен культуры, а не как на метафизическое откровение, сделалось возможным благодаря античной универсальности. «Нет ни иудея, ни еллина» — безусловно, это эллинская, ойкуменическая мысль.

Собственно, вся дальнейшая история человечества является собой переплетение и антагонизм этих двух подходов к репрессиям: трайбалистского и ойкуменического. В обоих случаях репрессии отчуждаются из области индивидуального произвола и приватизируются общественной системой.

Но в одном случае они сакрализуются и превращаются в самый убедительный аргумент для борьбы за сохранность существующих идей и существующей власти. В другом же

случае репрессиям отводится та роль необходимого насилия, что позволяет не превратить совместную жизнь индивидов в нескончаемый ад «войны всех против всех». В трайбалистской картине мира репрессии направлены против свободы в принципе. В ойкуменической — против тех известных «темных» сторон свободы, которые угрожают свободе как целому. Здесь отношения с репрессивным элементом чем-то напоминают историю из фильма «Терминатор 2», где машину, изначально созданную в качестве разрушителя, перепрограммируют и вносят на ее жесткий диск задачу по спасению людей и элементы стоической философии.

Кажется, что эволюционные преимущества ойкуменического варианта очевидны. Но это не так. Огромное количество людей и во времена былые, и сейчас воспринимает свободу не иначе как свободу «темных» ее сторон. Они с ожиданием смотрят в сторону тех, кто обещает им вместо свободы понятные, отчетливые и развеивающие тревогу смыслы. Кто обещает вернуть «по-настоящему правильных», «своих» — богов. И не факт, что люди вообще склонны осознать себя универсальным, сложным и разноуровневым организмом — человечеством. Даже в перспективе.

Подавление исторического измерения, вплоть до полного его угасания, — находится в прямой связи с возрастанием трайбалистской тенденции с ее непременным свойством: подавлением индивидуальной свободы. Историческое измерение угасает, если нет его главного инициирующего и действующего лица — свободного субъекта, не довольствующегося окружающей данностью. Без свободного субъекта не пересматриваются горизонты картины мира, не возникает ни новых идей, ни утопий. Там, где доминирует трайбализм в его изначальной, родоплеменной, или же в более продвинутой, национально-государственной форме, — субъект принципиально не выпускается наружу из ритуального конвейера доктрин, в которых запрещено сомневаться. И тем

более запрещено желать и предлагать нечто иное.

Можно заметить, что и в самой жесткой и закрытой племенной или государственной системе все же существует одна фигура, которая выходит за системные рамки, — это фигура вождя. По словам античного трагика Еврипида: «Ведь все рабы у варваров, свободен — лишь один».

Однако, несмотря на то что вождь может обладать практически неограниченной властью, — в силу лишь этого факта за ним не стоит полагать ни субъектности, ни свободы. Напротив. Вождь, в той мере, в которой держится за сохранение своей власти, выступает центром подавления и того, и другого. В том числе и его собственная субъектность и свобода подлежат подавлению. Он приносит их в жертву правилам той системы, на которой держится и усиливается его власть.

И чем больше объективная неограниченность этой власти, тем меньше субъектности может позволить себе ее обладатель. Вплоть до полного вытеснения, когда остаются лишь гипертрофированные инстинкты выживания и доминирования.

Другими словами, в мире трайбализма типичная фигура вождя одновременно является и абсолютным символом власти, и абсолютным симулякром субъектности. Историческое при таких вождях также превращается в симулякр, в подборку не подлежащих сомнению образов и трюизмов, лишенных всякой диалектической, творческой силы. Впрочем, большинству людей такое вполне по душе. Большинству, как правило,

понятнее и удобнее иметь дело с симулякрами истории, чем с ее реальностью.

Характерно, что и вожди, и их подданные зачастую страстно желают «попасть в историю». Для этого они совершают, как представляется им, «великие исторические шаги». Но, как правило, это не отличается по своей сути от тех событий, что до краев наполняли времена очень давние, доисторические, — когда одно племя видело свой величайший триумф в том, что захватывало пещеру другого племени.

Впрочем, вожди со своими подданными в историю все же попадают — в качестве тех, кто пытается историю остановить. В качестве того фона, на котором и в противостоянии которому являются себя умы и души, действительно исторически значимые. Это и остается в памяти. Чем был бы библейский царь Ирод, не преследуй он младенца Христа? Чем был бы российский самодержец Николай, не будь казненных им декабристов и опального Пушкина?

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Диктатура реставраторов. «Конец истории» продолжается](#)

Постмодернизм, рутинизация жизни и теория комфорtnого выживания породили идеиную пустоту, которая заполняется архаикой

14:21, 20 декабря 2024, Роман Шамолин

Одержаные хаосом

Почему мир накрывает волна за волной то, что может только разрушать, но не способно даже сохранить

15:29, 11 декабря 2024, Роман Шамолин